A 218/306

А 218
306

СТРАНСТВУЮЩІЙ

УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ

СКОВОРОДА.

Свящ. Н. Стеллецкаго.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1894.

СТРАНСТВУЮЩІЙ

УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ

СКОВОРОДА.

М.П.М.

Свящ. Н. Стеллецкаго.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1894.

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ №№ 7—8 за 1894 годъ.

2007043289

СТРАНСТВУЮЩІЙ УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА.

—

Въ настоящемъ году, 29 октября, исполнится сто лѣтъ со дня смерти Григорія Саввича Сковороды, съ сочувствіемъ вспоминаемаго въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и донынѣ, подъ названіемъ странствующаго украинскаго философа, и нѣтъ сомнѣнія, что Харьковъ, средоточный пунктъ его дѣятельности, во главѣ съ университетомъ, такъ много обязаннымъ ему своимъ основаніемъ, достойно почтитъ память его юбилеемъ.

Считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ этою загадочною, но несомнѣнно высокодаровитою и чрезвычайно своеобразною личностію, столь сильно увлекавшею не только современниковъ, но и ближайшее потомство,—въ надеждѣ, что юбилейное торжество освѣтитъ ее болѣе полно,—считаемъ тѣмъ болѣе не лишнимъ, что философъ Сковорода не безъизвѣстенъ и Кіеву, гдѣ онъ получилъ первое образованіе, и гдѣ имѣлъ не мало друзей, знакомыхъ и почитателей.

I.

Обстоятельства жизни Сковороды мало извѣстны въ нашей литературѣ; хотя свѣдѣній о немъ сохранилось достаточное количество, но все это скорѣе передача впечатлѣній

отъ его личности, чѣмъ настоящій біографическій матеріалъ [1]).

Сковорода родился въ 1722 году, въ селѣ Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Родители его были изъ простого званія: отецъ—козакъ, мать—козачка. Мѣщане по состоянію, они были не совсѣмъ достаточны; но ихъ честность, правдивость, гостепріимство, набожность и миролюбіе были извѣстны во всемъ околоткѣ. Богомольный съ самаго ранняго дѣтства, сынъ ихъ Григорій обнаруживалъ охоту къ ученію и способность къ музыкѣ. Одѣвшись бывало въ „юфтовое“ платье, онъ отправлялся съ глубокаго утра куда-нибудь въ рощу или въ поле и наигривалъ на своей „сопилкѣ“ (свирѣли), мало-по-малу усовершенствованной имъ въ флейту, священные гимны. Кромѣ того, мальчикъ, имѣя прекрасный голосъ, любилъ ходить въ церковь на клиросъ и пѣть. Любимою пѣснію его былъ стихъ Іоанна Дамаскина:

---

[1]) Кромѣ отдѣльныхъ небольшихъ замѣтокъ въ давно забытыхъ журналахъ: въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1817 г. (статья Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета), „Отечественныхъ Запискахъ“ 1823 г. (статья Снегирева), „Утренней Звѣздѣ“ 1833 и 4 гг. (статья Срезневскаго), „Телескопѣ“ 1835 г. (статья Хиждеу), „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1836 г. (статья Срезневскаго) и нѣкоторыхъ другихъ, возможно-обстоятельныя свѣдѣнія о жизни Сковороды находятся въ журналахъ „Основа“ 1861 г. (статья Г. П. Данилевскаго) и „Кіевская Старина“ 1886 г. Въ послѣдней, въ сентябрьской книжкѣ, помѣщено въ подлинномъ и цѣльномъ видѣ „Житіе Григорія Саввича Сковороды, описанное другомъ его“, М. И. Ковалѣнскимъ въ 1795 году, февраля 9. Это „житіе“ напечатано по списку, сообщенному редакціи „Кіевской Старины“ г. Добротворскимъ изъ Курска. Нѣкоторыя черты изъ „Житія“ взяты Снѣгиревымъ въ статьѣ его о Сковородѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и архимандритомъ Гавріиломъ въ его „Исторіи русской философіи“ 1840 г. (то, что изложено здѣсь Гавріиломъ о философіи Сковороды, заимствовано, по видимому, изъ статьи Хиждеу). Аскоченскій издалъ въ извлеченіи содержаніе хранившейся у него подлинной рукописи Ковалѣнскаго въ „Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ 1855 года, которую потомъ передалъ Погодину. Данилевскій въ своей біографіи Сковороды сообщаетъ свѣдѣнія о немъ по запискамъ Ковалѣнскаго въ рукописи, полученной имъ, какъ онъ самъ говоритъ, „отъ бывшаго инспекторомъ Врачебной Управы во Владимірѣ и преподавателемъ медицины въ тамошней семинаріи, М. И. Алякринскаго“, Алякринскій же досталъ ее отъ одного изъ бывшихъ друзей Сковороды—Ѳ. И. Дисваго. Въ настоящемъ году явилась статья о Сковородѣ въ журналѣ „Недѣля“ (январь) и начата печатаніемъ „Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія“ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ (май).

„Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брегоша безбожнаго велѣнія“. По прошествіи многихъ лѣтъ, за два мѣсяца до своей смерти, Сковорода, проживая у друга своего Ковалѣнскаго, которому мы обязаны достовѣрнымъ жизнеописаніемъ нашего философа, въ бесѣдѣ съ нимъ о своей жизни, упомянулъ и объ этомъ стихѣ Дамаскина,—что онъ всегда почти пѣлъ его въ молодости и, самъ не зная почему, любилъ его преимущественно предъ всѣми прочими церковными пѣснями.

Способныя казацкія дѣти часто поступали въ кіевскую академію, славившуюся въ тѣ времена науками: родители разсчитывали втянуть ихъ черезъ образованіе въ ряды козацкой старшины, ставшей тогда новымъ дворянскимъ сословіемъ, или въ ряды духовенства. Отданный отцемъ въ академію, Сковорода скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ въ успѣхахъ и похвалахъ отъ всѣхъ наставниковъ. Митрополитъ кіевскій, Самуилъ Миславскій, человѣкъ остраго ума и рѣдкихъ способностей, будучи товарищемъ его по классу, во всемъ отставалъ отъ него. Въ бытность въ академіи Сковорода сразу же обратилъ на себя вниманіе регента пѣвческаго хора, и немедленно поступилъ въ пѣвчіе.

Въ то время царствовала императрица Елизавета Петровна, извѣстная своею набожностію и любовью къ музыкѣ и духовному пѣнію. Благодаря своему пріятному дисканту и большимъ музыкальнымъ способностямъ, Сковорода былъ взятъ изъ академіи въ придворную капеллу, еще со временъ царя Алексѣя Михайловича, постоянно пополнявшуюся голосами изъ Малороссіи,—куда онъ и отправленъ былъ однимъ изъ первыхъ при восшествіи Елизаветы Петровны на престолъ. При дворѣ Сковорода оставался въ должности пѣвчаго, а потомъ—псаломщика недолго—около двухъ лѣтъ. Вѣроятно, здѣсь имъ положенъ былъ напѣвъ „Иже херувимы“, извѣстный подъ именемъ „придворнаго“, который и нынѣ считается лучшимъ напѣвомъ и употребляется во многихъ

церквахъ Малороссіи. Напѣвъ этой церковной пѣсни, по Высочайшему повелѣнію, изданъ, подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, и разосланъ по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Сковородѣ же приписываютъ введеніе во всеобщее употребленіе веселаго и торжественнаго напѣва „Христосъ воскресе“ и канона на Пасху „Воскресенія день“..., вездѣ именуемаго „Сковородинскимъ“, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва. Сочинялъ Сковорода и духовные канты, не вошедшіе въ церковную практику, а употреблявшіеся впослѣдствіи въ частныхъ собраніяхъ кіевскаго духовенства, любившаго завѣтную старину. Но любовь къ наукѣ въ немъ взяла верхъ надъ любовью къ музыкѣ.

Когда императрица Елизавета со всѣмъ дворомъ посѣтила Кіевъ, Сковорода, которому въ то время было 22 года, также прибылъ туда вмѣстѣ съ другими придворными пѣвчими; но, при возвращеніи двора въ Петербургъ, онъ, получивъ увольненіе съ чиномъ „уставщика“ (запѣвалы въ хорѣ), дававшагося обыкновенно лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при уходѣ ихъ изъ капеллы, остался въ Кіевѣ и снова поступилъ въ академію продолжать ученіе. Молодой Сковорода очень много учился, такъ-какъ успѣлъ пріобрѣсти большія познанія даже и внѣ круга академическихъ предметовъ; изучивъ прекрасно риторику, поэзію, философію, метафизику, математику, естественную исторію и богословіе, онъ въ совершенствѣ постигъ языки еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, польскій и церковно-славянскій, говорилъ и писалъ на нихъ свободно, такъ-что по справедливости могъ назваться человѣкомъ высокообразованнымъ. Но, по видимому, Сковорода вовсе не имѣлъ расположенія къ духовному званію, къ которому, впрочемъ, отецъ готовилъ его. По крайней мѣрѣ существуетъ разсказъ о томъ, какъ кіевскій архіерей хотѣлъ посвятить его въ священники, и онъ, чтобы отдѣлаться какъ-нибудь, прибѣгнулъ къ хитрости, притворился

душевно-больнымъ, измѣнилъ голосъ, началъ заикаться. Почему исключили его изъ академіи, какъ непонятнаго, и, признавъ неспособнымъ къ духовному званію, оставили его въ покоѣ.

Этого-то и хотѣлъ Сковорода; курсъ наукъ, преподаваемыхъ въ то время въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ натуръ, у которыхъ жажда знанія ненасытима: онъ искалъ въ знаніяхъ внутренняго свѣта, безъ котораго существованіе представилось ему невозможнымъ. Но гдѣ взять этихъ знаній? И вотъ Сковорода пожелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился къ тому и удобный случай, которымъ онъ воспользовался охотно. Генералъ-маіоръ Вишневскій, отправлявшійся, по порученію двора, въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ, заготовить Императрицѣ токайскихъ винъ, хотѣлъ имѣть для находившейся въ Офенѣ православной церкви человѣка, хорошо знающаго церковное пѣніе. Сковорода, извѣстный уже искусствомъ своимъ въ музыкѣ и пѣніи, а также знаніемъ иностранныхъ языковъ, представленъ былъ генералу Вишневскому, и горячее желаніе его быть заграницей исполнилось: съ царскимъ вельможей онъ отправился въ Венгрію. Безъ всякихъ почти средствъ, пѣшкомъ, обошелъ Сковорода всю Венгрію, Польшу, Германію и Италію [1]). „Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по этой классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Тріумфальная арка Траяна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ,—всѣ остатки сего владыки міра произвели въ немъ сильное впечатлѣніе“. Но мѣста не такъ интересовали его, какъ ученые люди Европы; ихъ собственно желалъ онъ видѣть и слышать. Благодаря тому, что Сковорода чисто и правильно говорилъ на разныхъ европейскихъ языкахъ, онъ могъ заводить знакомства и сношенія съ извѣстнѣйшими тогда учеными и философами, напр. съ Кан-

[1]) „Украинскій Вѣстникъ“ 1817 г., ч. 6, стр. 108.

томъ [1]), а съ тѣмъ вмѣстѣ запасаться и новыми свѣдѣніями, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Обогатившись идеями западной науки и философіи, Сковорода вернулся на родину человѣкомъ съ сложившимися убѣжденіями и съ такимъ громаднымъ запасомъ всякихъ познаній, что, по отзыву современниковъ [2]), „могъ занять мѣотс между германскими учеными наиболѣе уваженными". По возвращеніи изъ заграницы, онъ узналъ, что всѣ его родные, не исключая отца, уже умерли, и потому, побывавши нѣкоторое время въ родномъ селѣ, пошелъ по прежнимъ своимъ пріятелямъ. Средствъ къ жизни у него не было никакихъ; но благодаря остроумію и краснорѣчію, его выдающійся умъ и широкое образованіе не могли долго оставаться подъ спудомъ. Однако Сковородѣ, при особенностяхъ его натуры, не такъ-то легко было извлечь изъ своихъ талантовъ и тѣ ничтожныя средства къ жизни, въ какихъ онъ нуждался. Единственное поприще, съ которымъ онъ мирился, было педагогическое, но и здѣсь онъ постоянно наталкивался на подводные камни.

Такъ-какъ друзья Сковороды, у которыхъ онъ проживалъ, были люди также небогаты, то поэтому они всячески старались, какъ бы употребить его таланты съ пользою для него и вмѣстѣ для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславской семинаріи, которое, при содѣйствіи своихъ друзей, онъ и занялъ. Сослуживцами его по Переяславской семинаріи были: извѣстный протоіерей Стефанъ Гречина или Гречка и знаменитый впослѣдствіи кіевскій проповѣдникъ Іоаннъ Леванда,—оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями. Въ семинаріи въ то время господствовалъ еще Симеонъ Полоцкій съ своими силлабическими стихами, которые предпочитались ямбамъ Ломо-

---

[1]) „Духовная Бесѣда", 1863 г., т. XVII, стр. 346.

[2]) „Молодикъ" 1844 г., стр. 43.

носова. Сковорода хотѣлъ ввести въ свое преподаваніе новые взгляды на предметъ и написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ ней. Но тамошній епископъ, Никодимъ Стребницкій, приказалъ ему измѣнить учебникъ и потребовалъ, чтобы преподаваніе науки велось по старому. Сковорода не хотѣлъ подчиниться такому предписанію, ссылаясь на авторитеты, и свое письменное объясненіе по этому поводу (потребованное отъ него епископомъ чрезъ консисторію), состоящее въ томъ, что его разсужденіе о поэзіи и руководство, имъ составленное, правильны и согласны съ существомъ дѣла, усилилъ латинскою пословицей: „Alia res spectrum, alia plectrum“ (одно дѣло пастырскій жезлъ, а другое—пастушья свирѣль). Епископъ на консисторскомъ докладѣ собственноручно сдѣлалъ не менѣе выразительную надпись: „Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню“. И вслѣдъ за этимъ Сковорода былъ изгнанъ изъ Переяславской семинаріи.

Послѣ этого онъ сталъ жить у одного изъ своихъ пріятелей, который, зная цѣну его достоинствъ, не зналъ его крайней бѣдности. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не догадывался спросить его о нуждахъ, которыя онъ переносилъ терпѣливо и безропотно, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотовый кафтанъ, одни башмаки и черные гарусные чулки. Тѣснимый нуждою Сковорода пробуетъ устроиться педагогомъ въ частномъ домѣ. Невдалекѣ, въ деревнѣ Каврай, жилъ одинъ богатый и вельможный помѣщикъ, Стефанъ Тамара, которому нуженъ былъ учитель для сына. По рекомендаціи знакомыхъ, Сковорода дѣлается домашнимъ учителемъ сына Тамары. Занимаясь съ молодымъ Тамарой, онъ не обременялъ его излишними свѣдѣніями, а только помогалъ незамѣтнымъ образомъ самостоятельно развиваться его природнымъ способностямъ. Ученіе шло цѣлый годъ, воспитанникъ успѣлъ привязаться къ своему наставнику, и Сковорода съ терпѣніемъ сносилъ барскую спѣсь, которая не позволяла пану, „презрительно относившемуся ко всему, что

не одѣто въ гербы и не украшено родословными", не только говорить съ воспитателемъ своего сына, но даже удостоивать его человѣческимъ взглядомъ, хотя всякій день онъ сидѣлъ у него за столомъ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ,—сносилъ всё это тѣмъ болѣе терпѣливо, что сдѣланъ былъ годовой контрактъ, и онъ хотѣлъ исполнить свою обязанность по совѣсти. Но тутъ вышелъ такой случай. Бесѣдуя однажды съ своимъ ученикомъ и обращаясь съ нимъ откровенно и просто, Сковорода спросилъ его мнѣніе о предметѣ бесѣды и на его не подходящій отвѣтъ замѣтилъ, что такъ можетъ мыслить только свиная голова... Кто-то изъ слугъ слышалъ эти слова, донёсъ госпожѣ; госпожа, сочетшая это оскорбленіемъ шляхетскаго достоинства своего сына, передала мужу, и вотъ за „свиную голову" Сковорода опять лишился мѣста, пищи, одежды, но не надежды. Старикъ Тамара, который, не смотря на свою надменость, былъ человѣкъ очень умный и по тому времени образованный, цѣня все-таки учителя, при прощаніи впервые заговорилъ съ нимъ и заключилъ свой разговоръ словами: „прости, государь мой! мнѣ жаль тебя!"

Въ крайней нуждѣ прибылъ Сковорода къ одному своему пріятелю, переяславскому сотнику, человѣку добродушному и гостепріимному. Здѣсь представился ему случай ѣхать въ Москву съ другимъ своимъ знакомымъ нѣкіимъ Каллиграфомъ, который получилъ мѣсто проповѣдника въ московской академіи; съ нимъ онъ и отправился. Изъ Москвы Сковорода проѣхалъ въ Троице-Сергіеву лавру, намѣстникомъ которой былъ тогда извѣстный впослѣдствіи ученостію епископъ черниговскій, Кириллъ Флоринскій. Освѣдомленный уже о талантахъ Сковороды по слухамъ, Кириллъ уговаривалъ его остаться въ лаврѣ для пользы училища. Сковорода согласился быть лаврскимъ учителемъ; но вскорѣ ему всгрустнулось по родной Малороссіи, и онъ оставилъ училище.

Сковорода пріѣхалъ опять въ Переяславъ, „оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла". Не успѣлъ

онъ прибыть туда, какъ разумный Тамара употребилъ всѣ усилія, чтобы вернуть его себѣ. Не смотря ни на какія упрашиванія знакомыхъ помѣщика, Сковорода упорно отказывался отъ предложенія снова поступить къ его сыну учителемъ, зная гордость Тамары. Но одному знакомому удалось хитростію привезти его ночью, соннаго, въ домъ Тамары, гдѣ и уговорили его остаться; при чемъ онъ рѣшительно отказался на дальнѣйшее время отъ срока и отъ всякихъ обязательныхъ условій, обѣщая и безъ этого быть исправнымъ. Случилось это со Сковородою въ 1758 году. Значитъ, со времени его петербургской жизни прошло 14 лѣтъ, и онъ вступилъ въ 36-й годъ жизни. Въ то время старикъ Тамара уже оставилъ прежнюю свою спѣсь и началъ цѣнить людей по внутреннему ихъ достоинству. Обласкавъ Сковороду, онъ просилъ его быть сыну его другомъ и руководителемъ въ прохожденіи наукъ. Любовь и откровенность болѣе всего дѣйствовали всегда на Сковороду. Поселясь въ деревнѣ и обезпечивъ свои первыя нужды заботливостію любезнаго хозяина, онъ предался любомудрію и исканію истины. На свободѣ, среди уединенія, мысли его просились къ перу, и онъ сочинялъ стихи на тему: „ходя по землѣ, обращайся на небесахъ“ [1]). Въ числѣ другихъ Сковорода написалъ стихотвореніе: „оставь, о духъ мой вскорѣ!“.. Прочтя его, старикъ Тамара сказалъ: „другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова!“ По истеченіи нѣкотораго времени молодому Тамарѣ выпало на долю перейти въ другой кругъ жизни; Сковородѣ также готовила судьба новое поприще. Сохранилось письмо отъ 6 марта 1788 года за подписью: „Василій Тамара“, показывающее, какую беззавѣтную преданность сохранилъ въ своемъ сердцѣ ученикъ къ бывшему своему учителю. „Любезный мой учитель Григорій Саввичъ! Письмо

[1]) Эти стихи помѣщены въ рукописномъ сборникѣ Сковороды, „Садъ божественныхъ пѣсней“, подъ № 2.

ваше чрезъ корнета Кислаго получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Вспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василія, по наружности, можетъ быть, и не несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, еслибы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то-бъ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода. Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему—Василію Тамарѣ".

26 апрѣля 1758 года прибылъ въ Бѣлгородъ на епископскую каѳедру Іоасафъ II Миткевичъ. Онъ пригласилъ къ себѣ извѣстнаго ему по старой пріязни игумена Переяславскаго монастыря, Гервасія Якубовича, раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружескую жизнь. По пріѣздѣ въ Бѣлгородъ Гервасій, замѣтивъ ревность Іоасафа къ наукамъ, заговорилъ о Сковородѣ; епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія и предоставилъ ему мѣсто учителя поэзіи въ подчиненномъ ему харьковскомъ коллегіумѣ: „по указу бѣлгородской консисторіи, данному ректору коллегіума, архимандриту Константину Бродскому (изъ префектовъ московской академіи), вмѣстѣ съ префектомъ игуменомъ Лаврентіемъ Кордетомъ [1]), отъ 11-го августа 1759 года, за подписью преосвященнаго Іоасафа, по случаю перемѣщенія нѣкоторыхъ наставниковъ коллегіума въ Бѣлгородъ, для разныхъ назначеній, повелѣно студенту богословскихъ наукъ Григорію Сковородѣ, быть учителемъ піитики въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ числѣ другихъ наставниковъ, вышедшихъ изъ кіевской академіи" [2]). Скоро по вступленіи Сковороды въ должность

[1]) „Молодикъ" 1843 г. стр. 30.

[2]) „Духовная Бесѣда" 1863 г. т. XVII стр. 345.

преподавателя коллегіума, разнеслась по Харькову молва объ его необыкновенной учености, краснорѣчіи и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестіи. Въ это время онъ одѣвался просто, но прилично; пищу принималъ только вечеромъ, по захожденіи солнца, и питался только овощами, плодами да молокомъ; мяса же и рыбы совсѣмъ не употреблялъ. Прошелъ учебный годъ, и Сковорода пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іоасафу отдохнуть послѣ трудовъ. Епископъ, полюбившій Сковороду за свѣтлый умъ и свободу отъ мірскихъ заботъ, свойственную только посвятившимъ себя особенному служенію Богу, хотѣлъ удержать его долѣе при коллегіумѣ и для этого поручилъ Гервасію уговорить его принять монашество, обѣщая скоро довести его до высокаго духовнаго сана. Гервасій началъ по-пріятельски совѣтывать ему вступить въ монашеское званіе, ссылаясь при этомъ на желаніе архіерея, на благоплодность этого званія для церкви и на связанный съ нимъ почетъ и счастливую, по его мнѣнію, жизнь. Сковорода не согласился принять монашество, и между нимъ и Гервасіемъ возникли холодныя отношенія. Тогда Сковорода, на третій день по пріѣздѣ въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гервасія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ напутственнаго благословенія. Гервасій понялъ его намѣреніе и, не глядя на него, благословилъ его съ досадою. Сковорода отправился къ новому своему пріятелю, въ деревню Старицу, въ окрестностяхъ Бѣлгорода. Когда о. Гервасій донесъ Іоасафу о поступкѣ Сковороды, добродушный епископъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ.

Старица, куда удалился Сковорода, представляла изъ себя пустынное мѣсто, богатое лѣсами, ручьями, долинами, благопріятствующими глубокому уединенію. Здѣсь онъ принялся изучать себя, и на эту тему писалъ сочиненія. Между тѣмъ Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, хотѣлъ снова привлечь его къ себѣ, любезно принялъ и предложилъ ему должность учителя, какую желаетъ. Сковорода охотно при-

нялъ предложеніе епископа и сталъ читать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался въ Харьковѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Ковалѣнскимъ, съ которымъ познакомившись недавно, полюбилъ его, какъ новаго своего друга. Ковалѣнскій съ жадностію вслушивался въ разсказы и наставленія новаго своего учителя (раньше онъ учился въ коллегіумѣ), поводомъ къ которымъ служило чтеніе разныхъ книгъ. Ему прежде внушали дѣломъ и словомъ, что счастіе человѣка состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и праздномъ веселіи; а Сковорода говорилъ (и словамъ его отвѣчала и жизнь его), что истинно счастливымъ можетъ быть названъ только тотъ, кто ограничиваетъ свои желанія, избѣгаетъ всякихъ излишествъ, обуздываетъ похоть и честно исполняетъ возложенныя на него промысломъ Божіимъ обязанности. Ковалѣнскому твердили, что одно состояніе человѣческой жизни лучше другого и къ одному состоянію Господь благоволитъ болѣе, нежели къ другому. Сковорода училъ: „всѣ состоянія добры, и Богъ, подѣливъ общество людей на различныя состоянія, соединилъ ихъ во взаимныхъ потребностяхъ, и никого не обидѣлъ. Если же Онъ не благоволитъ къ кому, то только къ сынамъ противленія, которые, не прислушиваясь къ голосу своей природы, вступаютъ въ состоянія по своимъ страстямъ и обманчивымъ видамъ. И такъ какъ они не испытали въ себѣ врожденной склонности, то и предалъ ихъ верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творятъ непотребная“. Ковалѣнскій, внимая такимъ рѣчамъ Сковороды, почувствовалъ въ себѣ страшную борьбу мыслей и не зналъ, какъ утишить ее. Сверстники внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, совѣтовали не только прервать знакомство съ нимъ, но даже видѣться съ нимъ. Томимый борьбою понятій, молодой человѣкъ вскорѣ, именно въ 1763 году, увидѣлъ такой сонъ: на голубомъ небѣ показались ему золотыя начертанія именъ трехъ отроковъ, ввержениыхъ въ печь огненную, Ананіи, Азаріи и Мисаила; отъ этихъ золо-

тыхъ словъ сыпались на Сковороду, стоящаго съ поднятыми вверхъ правой рукой и лѣвой ногой (какъ изображается иногда проповѣдующій Іоаннъ Креститель), искры, изъ которыхъ нѣкоторыя отскакивая отъ него, падали и на стоящаго тутъ же Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, бодрость, спокойствіе и довольство духа. По утру, вставъ рано, молодой человѣкъ разсказалъ этотъ сонъ почтенному старику, троицкому священнику Бор., у котораго онъ квартировалъ. Старикъ подумалъ и сказалъ: „молодой человѣкъ! слушайтесь этого мужа; онъ данъ вамъ отъ Бога ангеломъ руководителемъ и наставникомъ“. Съ того времени Ковалѣнскій подружился съ Сковородою. Желая перевоспитать своего юнаго друга, Сковорода приглашалъ его въ поздніе лѣтніе вечера за городъ и незамѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могилъ, разрытыхъ вѣтромъ, говорилъ о безразсудной боязливости людской предъ мертвыми. Иногда же, удалясь въ близь лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя молодого человѣка между гробовъ одного, какъ бы для того, чтобы издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувства своего ученика. Продолжая преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ, Сковорода греческому языку обучалъ и своего друга. При этомъ онъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона[1]), Цицерона, Горація, Лукіана, Климента Александрійскаго, Оригена, Нила, Діонисія Ареопагита и Максима Исповѣдника; новые писатели шли съ ними рядомъ. Во главѣ же всего стояла Библія.

Въ августѣ 1764 года Сковорода отправился съ Ковалѣнскимъ въ Кіевъ. Здѣсь они осматривали древности, и Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. Многіе изъ бывшихъ учениковъ его, родственниковъ и знакомыхъ, поступившихъ монахами въ Печерскую лавру, уговаривали его принять мо-

[1]) По словамъ Ковалѣнскаго, *Филонъ Іудейскій* былъ въ числѣ „любимѣйшихъ авторовъ“ Сковороды.

нашество: „Полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, св. лавра приметъ тебя, какъ свое чадо, ты будешь столпомъ церкви и украшеніемъ обители!“ говорили ему разъ монахи. „Довольно и васъ“... отвѣчалъ имъ Сковорода, мнѣ ли грѣшному скрывать святость сердца въ ризѣ?“ Чрезъ нѣсколько дней Ковалѣнскій возвратился домой, а Сковорода остался въ Кіевѣ, по просьбѣ своего родственника, печерскаго типографа, Іустина. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже возвратился въ Харьковъ. Украйну онъ предпочиталъ Малороссіи за свѣжій воздухъ и чистыя воды. „Онъ обыкновенно,—замѣчаетъ Ковалѣнскій, называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украйну теткой, по жительству въ ней и по любви къ ней“.

Харьковскимъ губернаторомъ былъ тогда Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ не получившій школьнаго образованія, но одарённый отъ природы здравымъ разсудкомъ, поклонникъ талантовъ, наукъ и искусствъ, а въ особенности музыки, въ которой и самъ былъ довольно свѣдущъ. Наслышавшись много о Сковородѣ, Щербининъ хотѣлъ его видѣть. Вотъ что передаютъ о первой встрѣчѣ его съ Сковородой. Губернаторъ ѣхалъ по улицѣ, въ щегольскомъ рыдванѣ и съ гайдуками, и, замѣтивъ Сковороду, сидѣвшаго на тротуарѣ, послалъ къ нему адъютанта.—„Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!“ —„Какое превосходительство?“—„Господинъ губернаторъ!“—„Скажите ему, что мы незнакомы!“—Адъютантъ смущенно передалъ отвѣтъ Сковороды. Щербининъ послалъ вторично. „Васъ *проситъ* къ себѣ *Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ*!“ „А!—отвѣтилъ Сковорода:—объ этомъ слыхалъ; говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ!“ И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они познакомились. Щербининъ призвалъ какъ-то Сковороду къ себѣ, и въ бесѣдѣ съ нимъ спросилъ, отъ чего онъ не выберетъ себѣ какого-нибудь положенія. „Милостивый государь! отвѣчалъ Сковорода: свѣтъ подобенъ театру. Чтобы представлять на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, нужно брать роли по спо-

собностямъ: ибо дѣйствующее лицо заслуживаетъ похвалы не по знатности роли, но за удачную игру. Я долго разсуждалъ объ этомъ, и по многомъ испытаніи увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простоты и смиренія; я избралъ эту роль и доволенъ". Губернаторъ не безъ удовольствія сказалъ на это: „вотъ умный человѣкъ! онъ дѣйствительно счастливъ; меньше было бы на свѣтѣ дурачествъ, еслибы люди такъ разсуждали. Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычки, мнѣнія, предубѣжденіе"... „Если бы я почувствовалъ сегодня же, прервалъ Сковорода, что могу безъ робости рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ-бы служить въ войско. При врождённой склонности трудъ пріятенъ. Собака бережетъ стадо днёмъ и ночью по врожденной любви и терзаетъ волка также по врожденной склонности, не смотря на то, что и сама подвергается опасности быть растерзанною. Ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, такъ-какъ не имѣютъ природы къ тому". Губернаторъ выслушалъ Сковороду и, отпуская его, просилъ ходить къ нему почаще. Но Сковорода, строго держась выбранной имъ роли на театрѣ жизни, всячески избѣгалъ знатныхъ особъ, шумныхъ собраній и широкихъ знакомствъ, а любилъ бывать запросто въ небольшомъ кругу откровенныхъ лицъ. Въ Харьковѣ онъ охотно посѣщалъ домъ одного старика, гдѣ устраивались музыкальные вечера, и Сковорода, никогда не оставлявшій занятій музыкой, занималъ на нихъ первое мѣсто, пѣлъ и нерѣдко вытягивалъ трудныя soło на своей флейтѣ.

Въ 1766 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ харьковскомъ коллегіумѣ, вслѣдствіе ходатайства Щербинина, были устроены такъ-называемые „прибавочные классы", гдѣ вводились въ преподаваніе для благороднаго юношества нѣкоторые новые предметы, и между прочимъ, должны были преподаваться правила благонравія. Какъ способнѣйшій изъ наставниковъ, Сковорода, которому исполнилось въ это

время уже 44 года, назначенъ былъ преподавателемъ благонравія. Конечно, преподавать правила благонравія не то, что читать синтаксисъ или греческій языкъ, и Сковорода теперь достигъ того, къ чему, по особенностямъ своей натуры, усиленно стремился—возможности свободно и открыто, съ каѳедры, преподавать то, что было близко его сердцу. Онъ былъ такъ доволенъ своимъ назначеніемъ, что даже не хотѣлъ брать за преподаваніе благонравія опредѣленнаго по окладу жалованья, указывая на то, что удовольствіе отъ преподаванія этой науки замѣнитъ ему всякую награду. Въ предварительной лекціи Сковорода высказалъ нѣкоторыя свои мысли и отозвался о малопросвѣщенныхъ своихъ сослуживцахъ со всею прямотою своего цѣлостнаго характера. „Весь міръ спитъ (нравственнымъ сномъ)! говорилъ онъ во вступительной части лекціи,—да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибленъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!“ Волненіе было готово. Но блестящій финалъ этого впереди, и скоро всё затихло. Сковорода началъ читать свои уроки, читалъ ихъ увлекательно, великолѣпно, такъ-что пріобрѣлъ и громкую славу у друзей [1]), и сильную ненависть у враговъ! Въ руководство ученикамъ скоро написалъ онъ свою „Начальную дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи“ [2]), представлявшую какъ-бы конспектъ читанныхъ имъ лекцій; далъ её, по просьбѣ друзей, нѣкоторымъ для прочтенія, и тогда-то буря востала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностію читали её; но зависть къ талантамъ даровитаго наставника многимъ не

[1]) Друзей Сковорода имѣлъ и между учителями коллегіума, напр. учителя риторики, Двигубскаго („Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 107).

[2]) Нѣсколько страницъ изъ нея помѣщено въ Сіонскомъ Вѣст.“ 1806 г. ч. III.

давала покоя и сдѣлала даже нѣкоторыхъ друзей его явными недругами. Не осталась для Сковороды безъ непріятныхъ послѣдствій и проповѣдь, сказанная имъ въ праздникъ Преображенія Господня на текстъ: „убуждшеся видѣша славу Его“ (Лук. 9. 32), въ которой проводились мысли, не совсѣмъ доступныя тогдашнимъ украинскимъ ученымъ, и тѣмъ не мало напугавшія товарищей Сковороды, понявшихъ содержаніе проповѣди по своему [1]). Въ сочиненіяхъ Сковороды, по сознанію его враговъ, будто бы найдено много сомнительнаго‘ и потому ему назначены были диспуты, для защиты его положеній. Сочиненія разобраны на диспутахъ съ самой дурной стороны, всё истолковано въ превратномъ смыслѣ. Сковороду заподозрили въ такихъ мысляхъ, какія ему и въ голову не приходили. Сковорода, питавшій органическое отвращеніе къ какимъ бы то ни было изворотамъ въ словѣ, опровергалъ своихъ противниковъ умно и бойко; всѣ, присутствовавшіе на диспутахъ, приходили въ восторгъ отъ его основательныхъ доводовъ въ свою защиту и отъ его страстнаго стремительнаго краснорѣчія. При всемъ томъ Сковорода долженъ былъ удалиться на время изъ Харькова, отказавшись отъ должности учителя.

Влекомый любовью къ уединенію, Сковорода удалился въ имѣніе помѣщиковъ Земборскихъ, Гужвинское, недалеко отъ Харькова, покрытое лѣсомъ, въ глуши котораго находилась пасѣка, съ хижиной пчельника. На этой пасѣкѣ, у добродушныхъ хозаевъ, поселился онъ, укрываясь отъ людской молвы и злословій. Здѣсь онъ написалъ первое полное свое сочиненіе „Наркизъ“, или о томъ: „познай себя“, и книгу „Асхань“, о познаніи самого себя [2]).

„Лжемудрое высокоуміе, продолжаетъ біографъ Сковороды,

---

[1]) „Дух. Бесѣда, 1863 г., т. XVII, стр. 347.

[2]) „Асхань“, о познаніи себя, безъ имени автора, издана въ Петербургѣ какимъ-то Антоновскимъ, уже послѣ смерти Сковороды.

Ковалѣнскій, не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода осуждаетъ употребленіе мяса и вина и самъ не употребляетъ ихъ. А какъ извѣстно, что такое ученіе есть ересь манихейская, проклятая на всѣхъ соборахъ; то законословы и дали ему прозваніе манихейскаго ученика. Кромѣ того, его обвинили въ томъ, что онъ называетъ вредными золото, серебро, дорогія одежды и пр. цѣнныя вещи, созданныя Богомъ, и что, слѣдовательно, онъ богохульникъ. Поелику же Сковорода удаляется отъ людей въ лѣса; то изъ этого выводили, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и назвали его мизантропомъ, человѣконенавистникомъ". Узнавши объ этомъ, Сковорода поспѣшилъ явиться въ городъ и въ первомъ же обществѣ нашелъ подходящій случай поразить своихъ враговъ. „Было время, говорилъ онъ, и теперь бываетъ, когда я воздерживаюсь, для внутренней экономіи своей, отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь возбраняетъ, напр., чеснокъ тому, у кого вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все сотворено во благо всещедрымъ Творцемъ, но не всё всегда бываетъ полезно. Правда, нѣкоторымъ я совѣтывалъ осторожно обходиться съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ избѣгать этого, принимая въ соображеніе ихъ пылкую юность. Но когда отецъ беретъ изъ рукъ малолѣтняго сына ножъ и не позволяетъ ему шутить съ оружіемъ, самъ однакоже пользуясь всѣмъ этимъ; то не ясно ли, что сынъ еще не можетъ надлежаще владѣть этими вещами и употреблять ихъ въ пользу, для которой онѣ изобрѣтены. Вотъ почему прозвали меня манихейскимъ ученикомъ. Не ложно то, что всякій родъ пищи и питія полезенъ и здоровъ; но нужно при этомъ обращать вниманіе на время, мѣсто, мѣру, личность. Не вредно ли было бы дать грудному младенцу крѣпкой водки, или не смѣшно ли подать стаканъ молока въ потѣ лица работающему цѣлый день на морозѣ дровосѣку въ подкрѣпленіе его силъ? Какъ несправедливо приняли меня за Манихея,

такъ и незаслужено обозвали меня человѣконенавистникомъ и ругателемъ даровъ Божіихъ". Слушавшіе его только робко переглядывались и не возражали. Простившисъ со всѣми, Сковорода отправился въ новое еще уединеніе.

Въ изюмскомъ округѣ, Харьковской губерніи, жили тогда дворяне Сошальскіе; младшій братъ ихъ привязался къ Сковородѣ и просилъ его пожить у него нѣкоторое время. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ его деревню, Гусинку, полюбилъ и мѣсто и хозяина, и поселился у него не вдалекѣ отъ деревни, по своему обычаю, на пасѣкѣ. Безмолвная тишина и свобода снова возбудили въ немъ чувство несказаннаго удовольствія. „Многіе спрашиваютъ, писалъ Сковорода къ бывшему своему ученику, Ковалѣнскому, уѣхавшему на службу въ Петербургъ, что дѣлаетъ Сковорода, чѣмъ занимается? Я же во Господѣ радуюсь, веселюсь о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни, главная цѣль всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла каждаго человѣка сюда направляются. Всякому свое радованіе мило, я же „поглумлюся, позабавлюся" въ заповѣдяхъ Вышняго. Всё переходитъ въ скуку и омерзѣніе, кромѣ этой забавы". Въ 1770 году Сковорода отправился съ Сошальскими въ Кіевъ и остановился у своего родственника Іустина, теперь уже начальника Китаевской пустыни, близъ Кіева. Прошло три мѣсяца, проведенныхъ имъ съ удовольствіемъ. „Вдругъ, по словамъ Ковалѣнскаго, онъ замѣтилъ въ себѣ непонятное движеніе духа, побуждающее его ѣхать изъ Кіева. Онъ сталъ просить Іустина отправить его въ Харьковъ. Родственникъ упрашивалъ его еще остаться. Сковорода настаивалъ на своемъ. Іустинъ заклиналъ всѣми святыми не бросать его. Тогда Сковорода обратился къ другимъ своимъ кіевскимъ пріятелямъ съ просьбой отпустить его въ Украйну. Тѣ также удерживали его, но онъ отговаривался тѣмъ, что ему духъ велитъ удалиться изъ Кіева. Между тѣмъ, онъ пошелъ на Подолъ. Спускаясь туда по горѣ, Сковорода внезапно остановился, и,

почувствовавъ сильный трупный запахъ, не могъ долѣе идти впередъ, воротился въ Китаевъ и къ великому неудовольствію о. Іустина на другой день отправился въ дорогу. Чрезъ двѣ недѣли онъ былъ уже въ Ахтырскомъ монастырѣ, у своего пріятеля, архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе монастыря и радушіе этого монаха успокоивающимъ образомъ подѣйствовали на него. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ вдругъ получилось извѣстіе изъ Кіева о появленіи тамъ моровой язвы или чумы, о которой во время пребыванія въ Кіевѣ Сковороды ничего не было слышно [1]). Это извѣстіе произвело на него такое сильное дѣйствіе, что отразилось на его религіозномъ настроеніи: „сердце его до того времени, говоритъ Ковалѣнскій, почитало Бога, какъ рабъ, теперь же возлюбило Его, какъ другъ“. Погостивши нѣкоторое время у о. Венедикта, онъ опять поѣхалъ въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и погрузился въ свои любимыя занятія.

Съ 1775 года, когда Сковородѣ было уже 53 года, началась его постоянная странническая жизнь по Украйнѣ, и продолжалась почти 20 лѣтъ, до самой смерти его.

Полюбивъ Тевяшева, воронежскаго помѣщика, онъ про-

---

[1]) Эта моровая язва появилась въ Кіевѣ въ сентябрѣ 1870 года. Только Михайловскій монастырь остался свободенъ отъ общаго бѣдствія; на Подолѣ же оно свирѣпствовало съ страшною силою. Народъ пришелъ въ уныніе; начальство потеряло голову до такой степени, что губернаторъ повѣрилъ плѣнному турку, который обѣщался избавить Кіевъ отъ заразы. Турокъ написалъ на своемъ языкѣ нѣсколько записокъ слѣдующаго содержанія: „Великій Магомедъ! на сей разъ помилуй ты христіанъ и спаси ихъ отъ язвы, ради избавленія нашего отъ плѣна!“ Записки эти были привязаны къ шестамъ и выставлены на колокольняхъ подольскихъ церквей, но не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ возбужденія народнаго неудовольствія. Гораздо удачнѣе было другое распоряженіе начальства. Городъ былъ оцѣпленъ солдатами, но довольно рѣдко, такъ что это не помѣшало студентамъ академіи разбѣжаться отъ испуга и занести заразу по окрестностямъ. Въ это тяжелое время много утѣшалъ кіевлянъ своими замѣчательными проповѣдями о. Леванда. См. „Кіево-Софійск. пр. І Леванда“, Кіевъ, 1879 г., стр. 15—20.

живалъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе „Икона Алкивіадская“, которое и посвятилъ ему въ знакъ своей къ нему признательности. Потомъ онъ гостилъ въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради краснваго мѣстоположенія, жилъ также у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Ивановкѣ (или Панъ-Ивановкѣ) у Ковалевскаго, у своего друга, Ковалѣнскаго, въ с. Хотетовѣ, близь Орла, въ монастыряхъ Старо-харьковскомъ (нынѣ куряжскомъ), Харьковскомъ училищномъ Покровскомъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ (упраздненномъ), Святогорскомъ, Сепнянскомъ (также упраздненномъ). Въ особенности же онъ любилъ Харьковъ и часто посѣщалъ его. Новый начальникъ тамошній, услыша о немъ, хотѣлъ видѣть его. При первомъ же знакомствѣ губернаторъ спросилъ его: „о чемъ учитъ Библія?—„О человѣческомъ сердцѣ, отвѣчалъ Сковорода: поваренныя книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя,—какъ звѣрей ловить, модныя,—какъ наряжаться, а св. Библія учитъ, какъ облагороживать сердце человѣческое“. Одинъ изъ украинскихъ ученыхъ тутъ же спросилъ его: „что такое философія? —Главная цѣль человѣческой жизни, отвѣчалъ Сковорода. Всякій имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякій имѣетъ главную цѣль. Одинъ старается дать жизнь своему чреву, другой—глазамъ, третій—волосамъ, тотъ—ногамъ, этотъ же одеждамъ и прочимъ неодушевленнымъ предметамъ; философія или любомудріе стремится предоставить жизнь нашему духу: сердцу—благородство, мыслямъ—ясность. Если духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли ясны, сердце спокойно, то все свѣтло, счастливо и блаженно. Это и есть философія“.

Изъ Харькова Сковорода надолго отправился снова въ Гусинку, „въ любимое свое пустынножительство“. Когда усталость отъ постояннаго напряженія мыслительной силы заставляла его перемѣнить свое занятіе, „тогда, по словамъ Ковалѣнскаго, приходилъ онъ къ престарѣлому пчельнику, недалеко жившему на пасѣкѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество своего любимаго пса, и трое, составя общество, раздѣ-

ляли между собою вечерю". „Ангелъ, мой хранитель, такъ писалъ онъ къ одному своему другу отъ 19 февраля 1779 года, нынѣ со мною веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Страсть, нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе суть мои съ ней сожительницы. Я ихъ люблю и онѣ меня. А что дѣлаю въ пустыни? Не спрашивайте? Недавно о мнѣ нѣкто спрашивалъ: скажите мнѣ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Еслибъ я отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрей, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ этого думаютъ, что я праздепъ, и не безъ причины удивляются. Правда, только ли развѣ всего дѣла для человѣка—продавать, покупать, жениться, посягать, воевать, судиться, портняжить, строиться, ловить звѣрей? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна причина нашей бѣдности: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ потребностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу нашего тѣла, нашу душу. Забыли мы себя за неключимымъ нашимъ рабомъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Какая же намъ отсюда тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно, всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ тѣлега, по пословицѣ, кромѣ колесъ—одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такая, каковы у шкарбутика или подагрика ноги, или матросскій козырекъ, не стоющій алтына. Она въ насъ разслаблена, грустна, своенравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ недовольна, гнѣвлива, тощая, блѣдна, точно такая, какъ пацієнтъ изъ лазарета. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если весь міръ превозноситъ ее портретами и пѣснями, сиречь, одами величаетъ, не жалобны ли для нея оныя

пророческія сонаты: „въ тайнѣ восплачется душа моя“ (Іеремія), „взволнуются... и почти не возмогутъ“ (Исаія). Если самый центръ души гніетъ и болитъ, кто или что увеселитъ ее? Ахъ, государь мой и любезный пріятель! плывите по морю и возведите очи къ гавани. Не забудьте себя среди изобилій вашихъ. Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть, а второго много ли? Рабъ вашъ сытъ, а Ревекка довольна ли? Сіе-то есть? „Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ“. Объ этомъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и ночь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ больше всего. Далъ бы по одному блину и всему Израилю, еслибъ былъ Давидомъ. Какъ пишется въ книгахъ Царствъ: но и для себя скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустыни“.

Подъ конецъ своей жизни Сковорода, 73-лѣтній старецъ, удрученный болѣзнями, не взирая ни на дальность пути, ни на безпрерывно мокрую осеннюю погоду, отправился въ с. Хотетово, къ другу своему, Ковалѣнскому, который, послѣ продолжительной разлуки, желалъ видѣть его и предлагалъ ему свой домъ, какъ тихую пристань по долгомъ странствованіи. Сковорода привезъ ему свои сочиненія и самъ читалъ ихъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разными разсужденіями. Много толковалъ онъ тутъ о сектахъ. „Всякая секта, говорилъ Сковорода, пахнетъ собственностію, а гдѣ собственность, тамъ нѣтъ главной цѣли, или главной мудрости. Я не знаю мартинистовъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но для этого не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, какъ самонужнѣйшій для человѣческаго блага, всеобщъ и напечатанъ на сердцѣ каждаго, данъ каждому существу, даже послѣдней песчинкѣ“.—Заводя рѣчь о свящ. Писаніи, Сковорода говорилъ: „многіе не понимая меня или не желая понять, клевещутъ,

будто бы я отвергаю исторію Ветхаго и Новаго завѣта, потому что признаю въ ней духовный разумъ, чувствую боговдохновенный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю этимъ исторію, а не разоряю: ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и свящ. Писаніе — безъ вѣры; вѣра же невидимымъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, его неустрашимость, мужество, храбрость, то этимъ не уничтожаю ни его наряда, ни его оружія. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава этой исторіи есть духъ воина, его дѣла. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу его симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя это къ искусству архитектора, къ красотѣ цѣлаго, исключаю ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего изъ того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но чрезъ то не отвергаю его внѣшняго вида. Читая свящ. Писаніе въ намѣреніи научиться богопочтенію, богобоязненности, любви къ ближнему, повиновенію начальству, покорности придержащимъ властямъ, усовершенствованію сердца во всѣхъ отношеніяхъ, когда, напр., я найду исторію, какъ первосвященникъ Ааронъ бросилъ въ огонь и растопилъ тельца, сдѣланнаго евреями въ отсутствіе вождя и обоготворяемаго ими, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, всегда помня, что Библія не наука химія, а священная книга, научающая человѣка, готоваго внимать ея ученію, чистотѣ нравовъ. Я научаюсь отъ этой исторіи, что человѣческое сердце не можетъ быть безъ упражненія, и когда удалается отъ сердца священная мысль, понятіе истины, духъ разума, то оно мгновенно повергается въ занятія подлыя, не согласныя съ высокимъ родомъ его, и чтитъ, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Этотъ разумъ исторіи назидаетъ меня, содѣйствуетъ моему внутреннему усовершенствованію много больше, чѣмъ какъ если бы я, узнавши, какъ золото моментально передѣлывать изъ всего и все въ него превра-

щать, занялся химіей и началъ богатѣть. Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствію ихъ и единству все исполняющаго духа [1]). Но для чего стараюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ этомъ великомъ мірѣ, въ исторіи, а не научаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочной и растлѣнной, и провести мою волю непотопленно по пути житейскаго моря".—Иногда разговоръ Сковороды съ Ковалѣнскимъ касался превратностей свѣта. „Онѣ суть то, чѣмъ должны быть: весна, лѣто, осень, зима суть свойства, неотдѣлимыя отъ суточнаго круга. Все содержимое во времени „коловратно", конечно, измѣнчиво: неразуменъ, несчастливъ тотъ, кто требуетъ отъ него постоянства и вѣчности! Если же въ немъ нѣтъ постоянства, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, воздыханія, слезы, отчаянія. Не говори мнѣ о высокихъ чувственныхъ душахъ. Слезы суть изліяніе природы, а не привязанностей (Est quaedam flere voluptas), и плакать въ свое время есть нѣкоторое утѣшеніе. Вѣчность ихъ! Одна вѣчность есть безпечность, постоянство, надежда. Вѣчность и время суть одинъ составъ, но не одно и то же: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ".

Многіе въ окружности, желая видѣть Сковороду, пріѣзжали въ с. Хотетово. Такъ, однажды, орловскій губернскій прокуроръ подошелъ къ нему и привѣтливо сказалъ: Григорій Саввичъ! прошу любить меня.—„Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода, я еще не знаю". Другой разъ, директоръ экономіи, желая познакомиться съ нимъ, говорилъ: я давно знаю васъ по вашимъ сочиненіямъ; прошу доставить

[1]) Невольно припоминается здѣсь ученіе философа Лейбница о монадахъ въ ихъ предуставленной гармоніи.

мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ: „какъ зовутъ васъ"? Я называюсь такъ-то. „Имя ваше не скоро ложится на мое сердце", былъ отвѣтъ Сковороды. Нѣкоторые изъ „высокомудрствующихъ завидовали его талантамъ и изъ зависти говорили: „жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея".

Не прошло и трёхъ недѣль, какъ Сковорода началъ просить своего друга отпустить его въ любимую имъ Украйну; въ ея сырой землѣ онъ хотѣлъ сложить свои кости, и, не смотря на убѣжденія, на чрезвычайно ненастную погоду, усилившійся кашель и разслабленіе и на трудность путешествія, поѣхалъ въ Украйну въ августѣ 1794 года. „Останься у меня провести хоть зиму!" умолялъ его Ковалѣнскій. „Духъ мой велитъ мнѣ ѣхать", отвѣчалъ Сковорода, и другъ уже не сталъ его удерживать. Напутствуя его всѣмъ необходимымъ, сказалъ: „возьмите это; можетъ быть въ пути болѣзнь заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить!".... „Ахъ, другъ мой! отвѣчалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременіи?" При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: „можетъ быть, больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда во всѣхъ твоихъ приключеніяхъ въ жизни то, о чемъ мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время". По пріѣздѣ въ Курскъ, онъ остановился, вслѣдствіе безпрерывныхъ дождей, у архимандрита Амвросія; отсюда отправился далѣе, въ Гусинку, излюбленное свое пустынножительство, но подъ конецъ пути у него явилось побужденіе ѣхать въ Ивановку, слободу помѣщика Ковалевскаго, отстоящую отъ Харькова въ 35 верстахъ. Болѣзни, преклонная старость, ненастье, усталость отъ пути мало-помалу приблизили его къ смерти. Сковорода прожилъ тутъ немного больше мѣсяца. По разсказамъ старожиловъ, послѣднимъ земнымъ жилищемъ его была небольшая отдѣльная

комнатка, выходившая окнами въ садъ. Но онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ и благочестивымъ, хотя крайне вспыльчивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Всегда почти на ногахъ онъ, онъ часто говаривалъ: „духъ бодръ, но тѣло немощно“. Однажды къ помѣщику собрались сосѣди послушать Сковороду. За обѣдомъ Сковорода былъ необычно веселъ и разговорчивъ, даже шутливъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Послѣ обѣда онъ вдругъ скрылся и, выбравъ удобное мѣсто на возвышенномъ берегу пруда, близъ рощи и гумна, началъ рыть яму—узкую длинную могилу. Когда спросилъ его хозяинъ, что это, чѣмъ онъ занятъ? Сковорода отвѣчалъ: „пора, другъ, кончить странствіе! и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истяваній! пора успокоиться!“—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!“—Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила съ надписью: „міръ ловилъ меня, но не поймалъ“... И Сковорода пошелъ въ свою комнатку, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу, положилъ подъ голову свои сочиненія и сѣрую свиту, легъ сложивши на-крестъ руки и умеръ 29 октября, по утру на разсвѣтѣ, 1794 года,—умеръ такъ, какъ только можетъ желать умереть философъ. Погребли его на указанномъ имъ мѣстѣ. Вотъ надгробная надпись ему, составленная его другомъ, Ковалѣнскимъ:

„Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
„И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.
„Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
„Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда
„Достигъ на верхъ наукъ познаній духъ природы,
„Достойный для сердецъ примѣръ „Сковорода“.

Чрезъ 20 лѣтъ, тѣло Сковороды было перенесено въ другое мѣсто и похоронено въ саду священника, по старанію

одного изъ признательныхъ его учениковъ, П. Мещерякова, который, кажется, издалъ впослѣдствіи его портретъ съ вышеприведенною стихотворною эпитафіей. Скоро имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія и, большею частію, у тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ съ могилою „философа“: или умирали неожиданно владѣльцы этого мѣста, или, чаще всего, спивались съ кругу. Къ прискорбію, и доселѣ на могилѣ этого великаго человѣка нѣтъ достойнаго памятника.

Сковорода оставилъ послѣ себя не мало сочиненій философско-богословскаго содержанія, оригинальныхъ и переводныхъ. Кромѣ того, отъ него осталось много стихотвореній и правоучительныхъ писемъ на русскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, адресованныхъ имъ къ многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ.

Вотъ собственноручный списокъ его философско-богословскихъ сочиненій:

Оригинальныя сочиненія.

1) Наркизъ, узнай себя; 2) Симфонія: рѣхъ: сохраню пути моя; 3) Неграмотный Марко; 4) Симфонія: аще не увѣси; 5) Алфавитъ міра, о природѣ; 6) Разговоръ кольцо или дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ; 7) Древній міръ; 8) Жена Лотова; 9) Брань архангела Михаила съ сатаною; 10) Икона Алкивіадская; 11) Бесѣда I. Сіонъ; 12) Бесѣда II. Сіонъ; 13) Бесѣда III. Двое; 14) Діалогъ: душа и нетлѣнный духъ; 15) Благодарный Ерофій, 16) Асхань о познаніи себя; 17) О Христіанскомъ благоправіи или Катихизисъ; и 18) Израильскій змій или о древнемъ змѣѣ или еще о Библіи.

Переводы:

1) О старости Цицероновой; 2) О Божіемъ правосудіи; 3) О смерти...; 4) О храненіи отъ долговъ; 5) О спокойствіи души; 6) О вожделѣніи богатствъ; и 7) Объ уединеніи... Сидронія. Всё это сочиненія Плутарха, кромѣ послѣдняго.

Изъ стихотвореній Сковороды болѣе другихъ извѣстна его полудуховная, потусатирическая пѣсня:

„Всякому городу нравъ и права,
„Всяка имѣетъ свой умъ голова.
„Всякому сердцу своя есть любовь,
„Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.
„А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
„А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

—

„Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
„Ѳедька купецъ при аршинѣ всё лжетъ.
„Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
„Тотъ всё въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идётъ съ ума!

—

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта,
Сей иностранны заводитъ скота,
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

—

Строитъ на свой тонъ юриста права,
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ умà!

—

Смерте страшна, замашная косо!
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь!
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ!
Кто-жъ на ея плюетъ острую сталь?...
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь [1])!

Это стихотвореніе тогда же было переложено на музыку и распѣвалось бродячими пѣвцами, называемыми „слѣпцами-бандуристами“ на ярмаркахъ, перекресткахъ большихъ дорогъ и подъ окнами домохозяевъ. Эта пѣсня Сковороды, какъ и нѣкоторыя другія его сатирическія пѣсни, извѣстныя въ Малороссіи болѣе подъ именемъ „псалмовъ“ или „думъ“, въ которыхъ обличается имъ жизнь высшихъ классовъ общества, съ ея праздной и вредной суетой, съ ея отсутствіемъ истиннаго содержанія и смысла,—такъ усвоилась вездѣ въ малороссійскомъ народѣ, что вошла въ циклъ произведеній народнаго пѣсеннаго творчества и имѣетъ теперь уже нѣсколько варіантовъ.

Образцы правоучительныхъ писемъ Сковороды приводились нами выше, хотя и въ отрывкахъ.

Нѣкоторыя сочиненія Сковороды изданы въ 1837 году, заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества [2]). Болѣе или менѣе полное собраніе его произведеній вышло въ 1860 году въ Петербургѣ въ одномъ небольшомъ томикѣ. Неизданныя его сочиненія хранятся у разныхъ частныхъ лицъ.

---

[1]) Эта пѣсня помѣщена въ сборникѣ Сковороды „Садъ божественныхъ пѣсней“, подъ № 10.

[2]) Изъ изданій этого „Общества“ подъ руками у насъ было сочиненіе Сковороды: „Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ“, посвящ. В. С. Тевяшеву.

II.

Изъ всѣхъ произведеній Сковороды самое большее вліяніе имѣли на народъ его сатирическія пѣсни, въ которыхъ замѣчается присутствіе нравоучительнаго элемента: „А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума, какъ-бы умерти мнѣ не безъ ума“, говорится въ пѣсни „Всякому городу нравъ и права“. Эта-то нравоучительная проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои украинскаго общества, тѣмъ болѣе, что она оправдывалась примѣромъ его собственной жизни, дѣйствовавшей на народъ сильнѣе всякихъ его произведеній. Уваженіе къ личности Сковороды простиралось до такой степени, что почитали за особенное благословеніе Божіе тому дому, гдѣ останавливался онъ хотя на одинъ день. Сковорода предпочиталъ всему уединенныя пасѣки, но живалъ и въ домахъ сельскихъ священниковъ, и въ монастыряхъ, и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ, впрочемъ, лѣтомъ спалъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ. За отсутствіемъ въ то время въ Слободской Украйнѣ науки и литературы, къ Сковородѣ стремились всѣ лучшіе тогдашніе умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, любили или ненавидѣли, хвалили или порицали, а главное, всѣ имъ интересовались, и двери всѣхъ были для него раскрыты настежъ. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать „странствующимъ университетомъ и академіей тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ“ [1]), пока наконецъ черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти, безсмертный подвигъ В. Каразина не послужилъ къ открытію на Украйнѣ перваго университета. Каразинъ такъ легко успѣлъ въ своемъ дѣлѣ потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся дворянъ на огромную и по ны-

[1]) Г. П. Данилевскій, „Украинская Старина“, стр. 53

нѣшнему курсу сумму въ 618,000 руб. для основанія университета были всѣ или ученики, или друзья, или короткіе знакомые Сковороды, такъ-что этотъ, можно сказать, безпримѣрный въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія фактъ слѣдуетъ приписать не только драматическимъ жестамъ Каразина, на колѣняхъ умолявшаго дворянство о средствахъ на университетъ, но еще больше обаятельной личности Сковороды и той неустанной проповѣди, какую велъ онъ десятки лѣтъ. Сковорода могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но, что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: „давайте тѣмъ, кто нуждается больше меня“ и самъ довольствовался только простонародной свиткой съ „видлогою“. Эта простонародная свита, „чоботы“ про запасъ, посохъ—„журавль“ въ рукахъ, сопилка за поясомъ и „торба“ [1]) съ нѣсколькими книгами и рукописями за плечами—вотъ все, что онъ имѣлъ. Потребности его были до-нельзя ограничены: ѣлъ онъ крайне умѣренно, и то разъ въ сутки, мяса не ѣлъ вовсе, изъ-за чего, какъ извѣстно, потерпѣлъ даже обвиненіе въ манихейской ереси. Живя въ Харьковѣ, въ качествѣ учителя коллегіума, онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, „спалъ въ сутки не болѣе четырехъ часовъ; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, пѣшкомъ отправлялся за городъ гулять; всегда веселъ, бодръ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотливъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученость безъ кичения, обхожденіе безъ лести“. Крайнее ограни-

[1]) Магистръ Кіевской академіи, Симеонъ Рудзинскій до того уважалъ Сковороду, что даже описалъ и срисовалъ эту его торбу, оставленную у его отца.

ченіе потребностей тѣла, при постоянномъ духовномъ углубленіи и напряженіи и всецѣломъ сосредоточеніи на интересахъ духа, утончили нѣкоторыя способности Сковороды до необычайныхъ размѣровъ, и извѣстные случаи приписываемой ему современниками духовной прозорливости составляютъ явленіе объяснимое и психологически.

При всемъ томъ Сковорода совсѣмъ не былъ аскетомъ. Для этого онъ слишкомъ любилъ природу, музыку: флейта была неразлучною его спутницей; ходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигривалъ на ней свои фантазіи. Онъ не уклонялся въ пріятельскихъ собраніяхъ отъ веселой бесѣды, хотя бы она даже и одушевлялась, по существовавшему въ то время обычаю, употребленіемъ малороссійской наливки. Въ концѣ своего письма къ харьковскому купцу Урюпину, отъ 2 іюля 1790 года, Сковорода выражается такъ: „пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью не кстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего елення тогда, *когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и бунчалъ.* Достойно!—*Боченки оба отсылаются*, вашъ и Дубровина". По преданію старожиловъ, Сковорода разъ чуть было даже не женился, хотя остался все-таки холостякомъ. Случилось это съ нимъ въ Валковскихъ „хуторахъ" около 1765 года, когда ему исполнилось уже 43 года. Свернувъ съ какой-то дороги на проселокъ, а отсюда на огороды, онъ очутился въ садикѣ, близъ пасѣки, гдѣ увидѣлъ дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Незнакомецъ познакомился съ отцемъ ея, оригинальнымъ „хуторяниномъ", по прозванію „Майоръ", часто бесѣдовалъ въ немъ, училъ его дочку; дочка заболѣла горячкой; онъ сталъ ее лѣчить. Тутъ Сковородѣ и приглянулась дочка Майора; его помолвили, поставили подъ вѣнецъ. Но природа мудреца беретъ верхъ, и онъ буквально ушелъ изъ-подъ вѣнца.

Являясь наставникомъ всѣхъ классовъ мѣстнаго общества, Сковорода особенно любилъ наставлять простой народъ, и его нравственное вліяніе на простолюдиновъ было весьма благодѣтельно. „Страсть его, говоритъ сенаторъ Лубяновскій [1]), лично видѣвшій Сковороду, была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ; вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до „обаченья“ съ любовью; у всѣхъ онъ былъ свой... Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и болѣе оставался, любили его, какъ роднаго. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность, мнился такимъ образомъ приносить ближнему службу и имѣлъ отраду не въ одномъ мѣстѣ не находить уже ни прежнихъ, противныхъ чистотѣ правовъ, обычаевъ, ни раздора, ни суевѣрія; утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ. Въ проѣздъ мой, продолжаетъ Лубяновскій, въ 1831 году чрезъ харьковскую губернію встрѣтилъ я на почтовой станціи старика крестьянина и вздумалъ спросить его, помнятъ ли они Сковороду. „Сковорода, отвѣчалъ онъ, былъ человѣкъ разумный и добрый, училъ и насъ добру, страху Божію и упованію на милосердіе распятаго за грѣхи наши Господа нашего Іисуса Христа. Когда начнетъ бывало разсказывать намъ страсти Господни, или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце бывало до того размягчится, что заплачешь: вѣчная память Сковородѣ“. Простонародность была для Сковороды, казацкаго сына, съ одной стороны естественнымъ проявленіемъ его симпатій, съ другой—сознательнымъ принципомъ. Онъ страстно любилъ прекрасную природу Малороссіи, ея языкъ, пѣс-

[1]) „Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 106. 7.

ни, нравы, обычаи, любилъ такъ, что не могъ разстаться съ родиной. Императрица Екатерина II слышала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу, и однажды, чрезъ князя Потемкина, послала ему приглашеніе изъ Украйны переселиться въ столицу. Посланный отъ Потемкина нашелъ Сковороду съ флейтою у дороги, возлѣ которой паслись овцы хозяина, пріютившаго его на время. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: скажите матушкѣ—царицѣ, что я не покину родины: „мнѣ моя свирѣль и овца дороже царскаго вѣнца". По отношенію же собственно къ народу любовь Сковороды являлась въ освѣщеніи его сознательною мыслію. „Знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жруть и пресыщаются, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей,—но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ, и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду осязать: и я чѣловѣкъ, и мнѣ, что человѣческое, то не чуждо!"[1]). Что онъ разумѣлъ подъ словомъ народъ,—ясно изъ всей его жизни: не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ, по оставленіи учительства въ школѣ, училъ всюду, гдѣ могъ—въ „хатахъ", на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его острому словцу, „скачетъ пьяная воля", и во дни страды, когда при бездождіи потъ поливаетъ землю. Да и въ дошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ Сковорода не разъ называетъ свое ученіе „простонародною тканкою и плеткою", а себя—другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, которые столь горды, что не хотятъ и говорить съ простолюдиномъ, и онъ гордится именемъ народнаго учителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. „Надо мною „позоруются" (по поводу его учительства въ простомъ народѣ); пусть позоруются;

[1]) „Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть".

о мнѣ „баютъ“, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до звону: пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю свое, и дѣлаю свое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе“ [1]). „Барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, кажется мнѣ смѣшною, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа „вылонились“ бѣлые господа? Смѣшно и мудрованіе, что будто сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка, я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что такое живая смерть и мертвая жизнь. О, доктоpы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣпа въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести внѣшняго міра и отворяются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ,—пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякій сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснётся, когда намечтается, такъ очнется, и забодрствуетъ“ [2]). Во второй половинѣ прошлаго столѣтія произошло въ южной Россіи закрѣпощеніе крестьянъ [3]). Казачество, еще недавно главный элементъ общественнаго строя Малороссіи, перешло въ то время на положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, хлѣбопашцевъ и „чумаковъ“, безъ всякихъ притязаній на какое-либо политическое значеніе; казацкая старшина образовала новое дворянство; всѣ же свободные люди, какъ земельные собственники, такъ и безземельные, подпали крѣпостной зависимости отъ новыхъ дворянъ. И вотъ Сковорода представляетъ изъ

---

[1]) Письмо къ архіеп Григорію Конисскому изъ Цѣжина, 1769 г.

[2]) „О внутреннемъ человѣкѣ“ Разговоръ 1. Симфонія о народѣ. Гласъ II.

[3]) См. „Русское Богатство“, 1894 г, № 2, стр. 29—52.

себя живой протестъ противъ развивавшагося крѣпостничества и униженія поселянъ въ несправедливомъ и обидномъ названіи ихъ „чернымъ народомъ“. На югѣ Россіи это былъ первый проблескъ литературнаго протеста противъ приниженія простого народа, и потому Сковорода полагаетъ въ этомъ своемъ свѣтломъ ученіи „новую славу“. Въ одной изъ своихъ драмъ, или, по его надписанію, „видѣній“, онъ поэтически изобразилъ свою „прю“ съ бѣсомъ, враждовавшимъ противъ его новой славы [1]).

Вращаясь преимущественно въ средѣ простонародья, Сковорода старался изучить его природу, его волю, языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, „учитель—не учитель, а только служитель природы“. Эту мысль онъ прекрасно развилъ чрезъ уподобленія: „Сокола скоро научишь летать, но не черепаху. Орла во мгновеніе научишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Оленя легко направишь на кавказскія горы и привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорныхъ водоточей, но не верблюда и не вепря. Всякое дѣло спѣетъ собою, и наука спѣетъ собою. Клубокъ самъ собою покотится съ горы, отними только препятствующій камень преткновенія. Не учи его катиться, а только пособляй“. Въ объясненіе этихъ словъ приведемъ еще мысли Сковороды о народномъ

---

[1]) „Демонъ: слышь „Варсава“! (псевдонимъ Сковороды: по еврейски варъ-сынъ Саввы). Младенческій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная научимы, не поучающая, но научающая! Ты ли творецъ новыя славы?—Варсава: мы то, Божіею милостію, рабы Господни и дерзаемъ благовѣстить новую славу. – Демонъ: нынѣ, не обинулся, провѣщай вину, отъ чего мое ветхое жилище въ міріадъ кратъ многолюднѣе твоего новаго?—Варсава: темнорѣчишь! открой, если можешь, откровеннѣе бездну твоего сердца.—Демонъ: о, апокалипта! о, странность въ словѣ, строптность въ пути, трудность въ дѣлѣ. вотъ троеродный источникъ новыя пустыни.—Варсава. и лжешь, и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути золото или бисеръ, мнящій быти нѣчто безполезное? Какой тетеревъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть или западню, почитая ее рогомъ изобилія? Какой агненокъ не устрашится матери, творящейся волкомъ, и не прильнетъ къ волку, представляя его матерью? Не вини міра, не вини и славы новыя!... Кто же виненъ? Ты, вражье! ты, украшенная гробница“! См. „Телескопъ“ 1835 г., ч. 26, стр 163. 169, статья Хижду.

воспитаніи: „учителю надлежитъ быть вездѣсущимъ въ народѣ: ибо „изводъ“ образованія долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ же учителя познать необходимость, мѣру, примѣръ и свойство „исты“ образованія, и сочетать себя съ народомъ, т. е. изводъ съ истою или форму съ идеей. Какое идолопоклонство восписывать выписаннымъ мудрецамъ и наемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу воспріносить и воспричитать чуждому воспитанію! Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо скрываются въ кремешкѣ. Приставъ же губку либо трутъ, не пожалѣй руки и ударь кресаломъ и выкресишь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ „трепетицею“, кланяться и просить займи мнѣ огня!.. Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чуждому воспитанію должно быть привиту къ русскому человѣку, а своему родному. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь“.

Изъ-подъ простонародной внѣшности Сковороды въ значительной степени проглядывала та складка, которую наложилъ когда-то на него школьный схоластицизмъ. Вліяніе схоластической школы на Сковороду сказывается въ языкѣ его сочиненій, характерѣ изложенія и даже въ формѣ заглавій. Заглавіе его сборника „садъ божественныхъ пѣсней“ отзывается школьнымъ направленіемъ и напоминаетъ подобныя заглавія южно-русскихъ сборниковъ проповѣдей, какъ напр. „Огородокъ Божіей Матери“ Радивиловскаго. Не безъ вліянія школы, можно полагать, въ Сковородѣ окрѣпла наклонность къ странничеству. Въ Малороссіи всегда были странствующія личности. Семинарское начальство, напр., отпускало иногда учениковъ на испрошеніе пособій, или репетицій. Такіе ходоки занимались большею частію пѣніемъ по домамъ

и церквамъ, или проживали у священниковъ и помѣщиковъ въ качествѣ домашнихъ наставниковъ[1]). Вольная жизнь лѣтомъ на воздухѣ, въ переходахъ изъ села въ село, вдали отъ сумрачныхъ классныхъ помѣщеній и строгихъ внушеній школьнаго начальства—всё это вырабатывало въ школьникахъ наклонность къ странствованіямъ. Не трудно было подыскать для выработавшейся наклонности теоретическое основаніе, и философъ Сковорода подыскалъ такое основаніе для своей странической жизни. Вотъ что говоритъ онъ самъ о своей жизни: „что жизнь? То сонъ турка, упоеннаго опіумомъ,— сонъ страшный: и голова болитъ отъ него, сердце стенаетъ. *Что жизнь? То странствіе.* Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти. И всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утёсами,—а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но-бодрствуй"! Малороссійскіе бродячіе элементы выражались еще въ формѣ такъ-называемыхъ „мандрованныхъ дьяковъ"[2]) и „старцевъ". Дьячки въ старину нанимались въ Малороссіи, по добровольному соглашенію съ прихожанами, не только для чтенія и пѣнія въ церквахъ, но и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему: какъ станешь самъ учителемъ, *учи такъ, чтобъ не отбилъ школы!* т. е. не открывай своему ученику *всего*, чтобы ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы. Вотъ этого-то *всего* и старались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дьячки. Для этого-то они и переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, „мандровали" по-малороссійски. Мандрованный дьякъ являлся въ школу, притворялся ничего незнающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у одного

[1]) Они обезсмертили гоголевскаго Вія.

[2]) См. „Отечественныя Записки" 1861 г., т. CLIII, стр. 272. Украинскій дьякъ характерно обрисованъ Квитко-Основьяненкомъ въ его Панѣ—Халявскомъ".

учителя-дьяка, часть у другого, шелъ дальше и скоро становился самъ знающимъ всё, перехитривши своихъ учителей, изъ которыхъ каждый въ свою очередь выросъ на той-же поговоркѣ: „учи такъ, чтобъ не отбилъ школы“. Нѣкоторые изъ мандровавшихъ дьяковъ переходили изъ одной школы въ другую чуть ли не цѣлую жизнь. Одинъ, напр., ходилъ въ дьячковскомъ званіи 27 лѣтъ, другой—Козьма Парадинъ—цѣлыхъ 50 лѣтъ (съ 20 до 70 лѣтняго возраста). Скитальчество послѣдняго вошло въ такую привычку, что даже женитьба и рожденіе сына не измѣнили его образа жизни, и онъ на 70-мъ году жизни предсталъ предъ судомъ какъ безпаспортный [1]). Что касается старцевъ, то это были люди, оставшіеся, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, безъ родства, и вынужденные жить постороннею помощію; но за эту помощь они платили знаніями и жизненнымъ опытомъ, пріобрѣтаемыми, по способу пѣшаго хожденія. Такую именно „простую, безпечную и уединительную“ роль мандровавшаго дьяка или старца и выбралъ себѣ Сковорода, съ тою существенною особенностію по сравненію съ ними, что онъ представлялъ изъ себя для современниковъ цѣлый „странствующій университетъ и академію“ и что для него были открыты двери не только крестьянскихъ избъ, но и панскихъ палатъ.

III.

Мы сказали, что Сковорода, при всей строгой жизни своей, всё-таки не былъ аскетомъ. Соотвѣтственно этому и философія его не была философіей самоотреченія и скорби, но скорѣе философіей самодовольства и счастія. Называя всякія почести „мышеловкой“ для души своей, Сковорода не разъ говаривалъ: „я всё пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду дастъ ему земля безъ платы, лишнее не нужно“.

[1]) Заселеніе харьковскаго края“.. Басалѣя, 1889 г. стр. 2[illegible].

Нѣкоторые изъ современниковъ Сковороды сравнивали его съ Ломоносовымъ; но отъ этого сравненія самъ онъ благоразумно отказывался. „Меня, говорилъ Сковорода, хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто Ломоносовъ—казенная сажень, которою также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу, и шелковую матерію и рядину. Прошу господъ не закрывать мнѣ своихъ восковыхъ чучелъ, я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю и открыть новый свѣтъ“. Ближе къ истинѣ были тѣ изъ современниковъ, которые называли Сковороду русскимъ Сократомъ; ибо онъ и самъ избралъ въ образецъ своей дѣятельности Сократа, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста: „Какъ мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ... На Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зеноиами, Эпикурами, а о томъ не думаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка выводится цыплёнокъ. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, до тѣхъ поръ не быть ни своему Платону, ни другому философу. ...Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспошлёшь намъ Сократа, который бы научилъ насъ прежде всего познанію себя, а когда мы познаемъ себя, тогда сами изъ себя вывьемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная... Да святится имя Твое въ мысляхъ и помышленіяхъ раба Твоего, который *задумалъ и пожелалъ быть Сократомъ въ Руси*; но русская земля обширнѣе греческой, и не такъ-то легко будетъ ему скоро обхватить Русь своею проповѣдію. Да пріидетъ царствіе Твое, и тогда посѣянное зерно по слову Твоему взойдетъ яко кринъ, и тогда я выпилъ бы стаканъ „цикуты“, какъ медовыя соты. Non fugio mortem, si famam assequar“...

И дѣйствительно, Сковорода, какъ „первый русскій фило-

[1]) „Софросина, сирѣчь толковоніе на вопросъ: что намъ нужно есть“.

софъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова“ [1]), во многомъ напоминаетъ собою отца греческой философіи — Сократа [2]).

По ученію Сковороды, какъ и Сократа, основнымъ началомъ и условіемъ познанія является самопознаніе. „Трояkое есть познаніе себя, говоритъ Сковорода, и кто не позналъ себя трояко, тотъ не знаетъ себя, ибо кто знаетъ себя съ одной стороны, а не знаетъ себя съ прочихъ сторонъ, тотъ все равно, что ничего не знаетъ о себѣ. Первое познаніе есть познаніе себя какъ бытія самоличнаго, самообособнаго, самосущаго, т. е. какъ человѣка, отъ всѣхъ людей отличнаго, только на самого себя похожаго... Вспомни пословицу: всякъ Еремѣй про себя разумѣй. Всякій долженъ узнать себя, свою природу: чего она ищетъ? куда ведетъ? и какъ ведетъ? И ей послѣдовать безъ всякаго отнюдь насилія, но съ глубочайшею покорностію. Конь ли ты? Возьми сѣдока. Волъ ли ты? Носи ярмо. Песъ ли ты? Лови зайца. „Дарцкой“ ли? Дави медвѣдя... Другое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія общежительнаго, гражданскаго, народнаго, государственнаго, т. е. какъ человѣка, слитаго съ другими „истою“ вѣры, закона, обычая и языка, и похожаго на другихъ людей, живущихъ вмѣстѣ на одной землѣ, которой имя, родина, отчизна, рѣчь общи. Всякій долженъ узнать свой народъ, и въ народѣ себя. Русь ли ты? будь ею: вѣрь православно, служи царицѣ (Екатеритѣ II) право, люби братію „нравно“. Ляхъ ли ты? ляхъ будь. Нѣмецъ ли ты? немѣчествуй. Французъ ли? французуй. Татаринъ ли? татарствуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, и все прекрасно, что чисто природно, т. е. не поддѣлано, не подмѣшано, но по своему роду. Не будь ни тепелъ, ни холоденъ, да не изблюютъ тебя. Русь не русская представляется мнѣ диковинкою, какъ еслибы родился человѣкъ съ рыбьимъ хвостомъ или съ собачьей

---

[1]) См. приложеніе къ переводу „Исторіи новой философіи“ Ибервега, сдѣланному Колубовскимъ.

[2]) См. „Вопросы философіи и психологіи“, 1894 г., май, стр. 205 и д., статья Ѳ. А. Зеленогорскаго.

головою... Третье познаніе есть познаніе себя, какъ бытія сотвореннаго по образу и по подобію Божію, общаго со всякимъ человѣческимъ бытіемъ. Посреди насъ живетъ то, что есть превыше всего... По первому познанію ты узнаешь свое собство, почему ты Еремѣй и какой ты Еремѣй. По второму ты узнаешь свою стать: почему ты Русь? И какова Русь? По третьему ты узнаешь свою общность, почему ты человѣкъ? И что есть человѣчество? По всему ты узнаешь себя и отлично и слично...“ Сковорода не согласенъ съ тѣми философами, которые проповѣдывали одностороннее познаніе себя, и въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ исключенія даже для Сократа. У Грековъ находитъ онъ трехъ апостоловъ самопознанія: „великаго незнакомца“, написавшаго на храмѣ дельфійскаго оракула знаменитое: познай самого себя,—Солона и Сократа; но дельфійская надпись относится къ познанію себя, какъ individuum'a, Солонъ училъ познанію себя, какъ гражданина in statu, Сократъ имѣлъ въ виду познаніе себя, какъ человѣка вообще in genere. „Что есть человѣкъ одинокій, спрашиваетъ Сковорода, уединяющійся отъ другихъ людей, погружающійся въ думу объ одномъ себѣ? Круглый сирота, безродное дитя, бездѣтный родитель. Что есть гражданинъ въ народѣ, чуждающемся другихъ народовъ, замкнутомъ въ своей наличности? То, что и его народъ, т. е. бытіе раждающееся, существующее и раждающее и притомъ только въ пространствѣ, а не во времени, объединяющее собою мѣста, а не вѣка,—опредѣленіе: подлежащее географіи, а не исторіи. Что же есть тотъ, кто отожествляетъ себя въ познаніи съ цѣлымъ человѣчествомъ, космополитъ? Собака въ Езоповой баснѣ, которая нарочно упустила наличный кусокъ мяса, и бросила въ рѣку, чтобы уловить его тѣнь“. Спаситель, по убѣжденію Сковороды, первый училъ полному, т. е. трояко-му самопознанію.

Жизнь Сковороды, какъ и Сократа, развивалась изъ однихъ и тѣхъ же началъ: *энтузіазма*, погружавшаго его ко-

нечное сознаніе въ воодушевленное исповѣданіе безконечнаго и *ироніи*, представлявшей конечное въ формѣ шутки или забавы.

Къ своимъ философскимъ „догматамъ“ и къ своей миссіи, какъ проповѣдника этихъ догматовъ, Сковорода относился, можно сказать, съ религіознымъ энтузіазмомъ. Выдавая себя за русскаго Сократа, онъ восторженно спрашиваетъ: „И кто будетъ по нашемъ Сократѣ нашимъ Платономъ? что будетъ, то будетъ; а кто будетъ? Богъ вѣсть. Мое дѣло теперешнее, а то—grata superveniet, quae non sperabitur hora—само придетъ, когда настанетъ пора. Сковорода чувствуетъ, что настало время нарожденія философіи въ Россіи. Оно уже треплется во чревѣ матери своей; но только Елизавета слышитъ, какъ взыгрался младенецъ во чревѣ ея. Что мнѣ есть любезнѣе на небеси и на земли: точію поучатися святыни? Обучаться и вмѣстѣ обучать братію добродѣтели...[1]). Согрѣлось мое сердце, и въ моемъ поученіи разгорается огонь; что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, а не для того только, чтобы говорить, или чтобы не молчать“[2]). Энтузіазмъ Сковороды доходилъ до того, что по временамъ его можно посчитать за настоящаго теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія. Ему въ энтузіазмѣ казалось, что его духъ, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности. Сковорода имѣлъ ясную и чисто логическимъ путемъ построенную философскую систему, о которой рѣчь впереди; но ему какъ-то холодно становилось на этихъ философскихъ высотахъ, и онъ погружался въ бездну мистическаго энтузіазма. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно обнаружился: 1) въ извѣстномъ его видѣніи, въ которомъ представлена борьба стараго и новаго образованія подъ видомъ „При бѣса съ Варсавой“, 2) въ разсужденіи „объ израильскомъ зміѣ“, полномъ мистическихъ аллегорій и 3) въ сочиненіи „Лотова жена“, въ которомъ изложены главныя основанія его философской мистики.

[1]) „Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть“.
[2]) Изъ письма къ протопопу Залѣсскому изъ Обуховки, 1765 года.

Въ энтузіазмѣ Сковороды сказалось религіозно-мистическое направленіе духовнаго настроенія европейскаго и вмѣстѣ русскаго общества второй половины прошлаго вѣка, извѣстное подъ именемъ масонства. Заглавія прозаическихъ сочиненій Сковороды, какъ напр., „Начальная дверь къ христіанскому добронравію“, или Діалогъ—душа и петлѣнный духъ“, составлены въ духѣ этого направленія. Сковорода не былъ масономъ, но онъ воспитался въ той мистической средѣ, которая питала масонство и между нимъ и масонами можно находить общія точки соприкосновенія, напр. въ видѣ уклоненія его отъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ. Однажды, говоритъ преданіе, епископъ воронежскій Тихонъ III, въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: „почему не ходите въ церковь“?—Если Вамъ угодно, я завтра же пойду“.—И онъ исполнилъ желаніе епископа. Другой разъ, въ церкви, въ тотъ моментъ, когда священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнёсъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“,—Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная странности Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося, спросилъ его: „знаешь ли ты, какой великій грѣхъ можешь совершить, не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству?“—Знаю и готовъ, отвѣчалъ Сковорода, и духовникъ, вѣря его словамъ, пріобщилъ его. Подобное равнодушіе къ церковной обрядности, при всёмъ своемъ благочестіи, обнаружилъ Сковорода и предъ смертію, когда онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, отказался было отъ исповѣди и св. причастія, но потомъ „представя себѣ совѣсть слабыхъ“, исполнилъ всё по уставу. Религіозный мистицизмъ окрѣпъ въ Сковородѣ послѣ его путешествія въ Германію, гдѣ повсюду тогда господствовали мистики и квіетисты. Поэтому, между прочимъ, Сковорода, побывавши въ этой странѣ, навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими странами, исключая родины своей, Малороссіи.

Энтузіазмъ Сковороды, равно какъ и Сократа, представ-

лиетъ изъ себя только положительное начало жизни; отрицательное же начало—иронія, бывшая большею частію прикрытіемъ его энтузіазма: ея игривая молнія всего чаще отражалась тогда, когда обнаруживала высшую степень восторга. Слѣдующій отрывокъ изъ письма Сковороды къ его другу Аѳанасію Панкову [1]) раскрываетъ духъ и характеръ его иронiи. „Отеческое наказаніе, пишетъ онъ, заключаетъ въ своей горести сладость, а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу. Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпровожаютъ по смѣху, а разумную шутку печатлѣетъ важный конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ ученый видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣтъ веселѣе, хакъ смѣшное лице съ утаенною дальностію; вспомните пословицу: красна хата не углами, но пирогами. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о которыхъ можно сказать малороссійскую пословицу: стучитъ, шумитъ, гремитъ. А что тамъ? Кобылья мертва голова бѣжитъ. Говорятъ и великороссійцы: летала высоко, и сѣла недалеко, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечего слушать. Не люба мнѣ эта пустая падменность и пышная пустошь; а люблю то, что сверху ничто, но въ срединѣ что; снаружи ложь, но внутри истина. Картинка сверху смѣшна, но внутри боголѣпна... Не по кошельку суди сокровище. Праведенъ судъ судитъ!... Иногда во вретищи кроется драгоцѣннѣйшій камень“. Иронія Сковороды простиралась до того, что онъ иронизировалъ даже надъ своимъ собственнымъ именемъ. Въ 1787 году императрица Екатерина II, проѣздомъ чрезъ Украйну, много наслышавшись о Сковородѣ, увидѣла его и спросила: „отчего ты такой черный?“.—„Э! вельможная мати, отвѣчалъ философъ: гдѣ же ты видѣла, чтобы сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, и она всё въ огнѣ?“

[1]) Письмо это напечатано, въ видѣ предисловія, при „Баснях харьковских“ Сковороды, Москв, 1837 г., съ помѣткою 1774 года.

Переходя къ изложенію философскаго міровоззрѣнія Сковороды, предварительно замѣтимъ, что онъ, какъ мы видѣли и раньше, постоянно старался связывать свое философское ученіе съ церковной традиціей, въ которой онъ выросъ, и въ которой жило все его окружающее. При этомъ онъ часто прибѣгалъ къ аллегоріи, пытаясь образамъ и понятіямъ библейскимъ сообщить философскій, хотя и не всегда правильный, смыслъ. Въ концѣ-концевъ, Сковорода пришелъ къ убѣжденію, что св. Библія содержитъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ отвѣты на всякіе вопросы и что надо только умѣть ихъ извлечь оттуда. Поэтому онъ любилъ Библію больше всего на свѣтѣ. Вышеприведенное письмо его къ Папкову заканчивается такою надписью: „любезный пріятель, твой вѣрный слуга, *любитель священныя Библіи*, Григорій Сковорода". А въ письмѣ своемъ къ Ковалѣнскому, отъ 1790 года, онъ взываетъ такъ: „О, сладчайшій органе! *Едина голубице моя Библія!* О, дабы сбылось на мнѣ оное! Давидъ мелодично выгравалъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога выхваляетъ! На сіе я родился. Для сего ѣмъ и пью; да *съ нею* (съ Библіею) *поживу и умру съ нею*"!

Желая найти „начало всемірной машины", Сковорода говоритъ: „взглянемъ теперь на всемірный этотъ міръ... какъ машинище, составленный изъ машинокъ, не ограниченный ни мѣстомъ, ни временемъ... Я вижу въ немъ единое начало, единъ центръ и единъ умный циркуль во множествѣ ихъ. Это начало и этотъ центръ есть вездѣ, а окутности его нѣтъ нигдѣ... Если скажешь мнѣ, что этотъ внѣшній міръ кончится въ какихъ-то мѣстахъ и временахъ, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу, кончится, т. е. начинается. Видишь, что граница одного мѣста есть вмѣстѣ и дверь, открывающая поле новыхъ пространствъ. И тогда-жъ зачинается цыпленокъ, когда кончится яйце. И такъ всегда всё идетъ въ безконечность. Всё исполняющее начало и этотъ міръ, какъ его тѣнь, не имѣетъ границъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ»

какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только разница, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то преходитъ, то родится, то исчезаетъ, и есть ничто: materia aeterna". Это „единое начало", этотъ „вездѣсущій центръ и умный циркуль" Сковорода называетъ Богомъ. При этомъ онъ поясняетъ, что „у древнихъ Богъ назывался всемірнымъ умомъ, также бытіемъ вещей, вѣчностію, судьбою, необходимостію; а у христіанъ главнѣйшія Его названія слѣдующія: духъ, Господь, царь, отецъ, умъ, истина". „Божественный духъ, продолжаетъ Сковорода, весь міръ содержитъ въ движеніи, какъ машинистова хитрость—часовую машину на башнѣ и самъ есть бытіе всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, управляетъ, починяетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая зовётся всеобщимъ закономъ, *опять обращается въ грубую матерію.* По этой причинѣ разумная древность сравнивала Его съ математикомъ или геометромъ; потому что непрестанно упражняется въ пропорціяхъ или размѣрахъ, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напр., травы, деревья звѣрей и всё проч.... Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится" [1]).

Разсуждая въ частности о начальной и конечной причинѣ каждаго изъ существъ, Сковорода учитъ, что „вѣкъ подобенъ вѣнцу: начало и конецъ заключается въ одной точкѣ. Отъ зерна колосъ въ зерно возвращается... Какое первоначальное основаніе тварей?—Ничто. Вѣчная воля, возжелавъ облечь свои совершенства въ видимое явленіе, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Эти хотѣнія вѣчной воли одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы. Назначено каждому существу, по образу вѣчнаго, поприще или кругъ явить свои силы, т. е. *изліяніе невидимаго во временной видимости* и снова всту-

[1]) См. „Израильскій змій"

пить въ свое начало, т. е. въ свое ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и это единое есть Богъ. Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе: все это обветшаетъ, свіется, измѣнится; одинъ духъ Божій исполняющій вселенную, пребываетъ во вѣки. Богочеловѣкъ нашъ— вѣнецъ нашъ: не умираетъ, но измѣняется отъ смерти въ животъ, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава въ студѣ ихъ. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ есть часъ; то почто наутріе, на тысячу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ Сына Божія? Нося уже въ себѣ неугасаемый огонь мучительныхъ желаній и чувствованій и неусыпаемый червь угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія еще не слышится въ насъ, что труба Божія еще не низвела къ намъ Судію страшнаго, праведнаго, судящаго такъ, какъ-бы онъ слышитъ наше сердце?“

Отвлеченныя разужденія Сковороды о существенномъ въ мірѣ и случайномъ внутреннемъ и внѣшнемъ, вѣчно-пребывающемъ и кажущемся лежитъ въ основѣ его этическихъ взглядовъ. Все случайное, внѣшнёе и кажущееся—плоть, тлѣніе, тѣнь; существенное же, внутреннее есть вѣчное, Богъ. Въ человѣкѣ отраженіе этого постоянно-пребывающаго, божественнаго есть его внутренній нетлѣнный духъ, который Сковорода называлъ иногда „Минервою“. „Ибо, какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ головы Юпитера, такъ нашъ духъ происходитъ отъ Бога“. „Такъ-какъ, замѣчаетъ Ковалѣнскій, Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Сковорода людьми безъ Минервы. Такимъ образомъ, видя робкаго военачальника, грабителя судью,

хвастуна ритора и проч., онъ съ досадой замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ однажды на изображеніе Екатерины II, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервой"! Истинный человѣкъ, т. е. живущій въ немъ духъ или мысль, отражая въ себѣ это вѣчно-пребывающее, небесное, носитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ и единственно возможную „мѣру" (критерій) познанія Бога, или плана вселенной. Значитъ, познаніе есть единственный путь къ соединенію съ вѣчною основою міра, есть единственная истинная цѣль жизни. „Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать ея тропинки"; „животворитъ одна истина", и „не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ и неученымъ границу мертваго и живаго". „Богъ отъ насъ ни молитвъ, ни жертвъ не хочетъ принять, если мы не узнали Его". Познаніе, составляя такимъ образомъ цѣль жизни, есть въ тоже время и единственно истинное счастіе человѣка. Сковорода говорилъ, что „счастіе состоитъ въ томъ, чтобы, узнавъ настоящую въ себѣ способность, по ней построить свою жизнь. Такъ многіе ученые были бы, можетъ быть, разнощиками, многіе судьи пахарями, военачальники пастухами и т. д.. Отсюда, продолжаетъ онъ, происходитъ то, что одно и тоже состояніе жизни одного ублажаетъ, а другого окаянствуетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другого низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ его имени; одного ученіе возвысило до небесъ, а другого низвело до ада; одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому грабителя; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе". Въ духѣ своей философіи Сковорода настаивалъ на душевномъ спокойствіи и внутреннемъ равновѣсіи, какъ на необходимѣйшемъ условіи счастья человѣческаго. Но познаніе-жъ является и единственною основною добродѣтелію, обусловливающею собою всѣ остальныя добродѣтели. Впрочемъ, между добродѣтелью и счастіемъ,

по Сковородѣ, какъ и по Сократу, нѣтъ существенной разницы,—это двѣ точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ.

„Когда солнце, пишетъ Ковалѣнскій, возжегши безчисленныя свѣчи на смарагдотканной плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ Сковороды трапезу; тогда онъ, принимая чашу заботъ, не растворенныхъ никакими житейскими попеченіями, никакими страстными воздыханіями, никакими суетными развлеченіями, и вкушая радости высокимъ умомъ, въ спокойствіи, полномъ благодушества, говаривалъ: *благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ*“! Это положеніе, вытекающее изъ общаго теоретическаго положенія Сковороды, что нужно только познаніе, а познаніе не трудно (такъ-какъ оно находится въ волѣ человѣка), само было основнымъ положеніемъ въ его практической морали, изъ котораго онъ выводитъ два новыхъ положенія: одно касается счастія, другое добродѣтели. Первое положеніе такое: „счастіе есть человѣку самое нужное, но оно же есть и самое нетрудное, если только человѣкъ узнаетъ, въ чемъ оно заключается“. Второе положеніе: „трудно быть злымъ, не трудно быть благимъ“.

Всѣ эти положенія практической морали Сковороды, напоминающія собою этику Сократа, котораго онъ ставилъ себѣ въ образецъ, были для него, какъ и для того, не только отвлеченными разсужденіями, но и живой истиной, постепенно примѣняемой имъ въ своей собственной жизни. Сковорода принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ моралистовъ-философовъ, которые исповѣдывали свои принципы дѣломъ и жизнію и несли на алтарь своего служенія не столько избытки отъ своихъ духовныхъ дарованій, сколько самую душу, кровь своего сердца. Сковорода посвятилъ всю свою жизнь развитію и распространенію своей этической философіи, посвятилъ жизнь въ полномъ смыслѣ слова: ни одной черты въ его существованіи не было такой, которую можно было признать его личною, не связанною съ тѣмъ, что онъ счи-

талъ своей миссіей. Въ этомъ отношеніи это личность рѣдчайшей цѣнности.

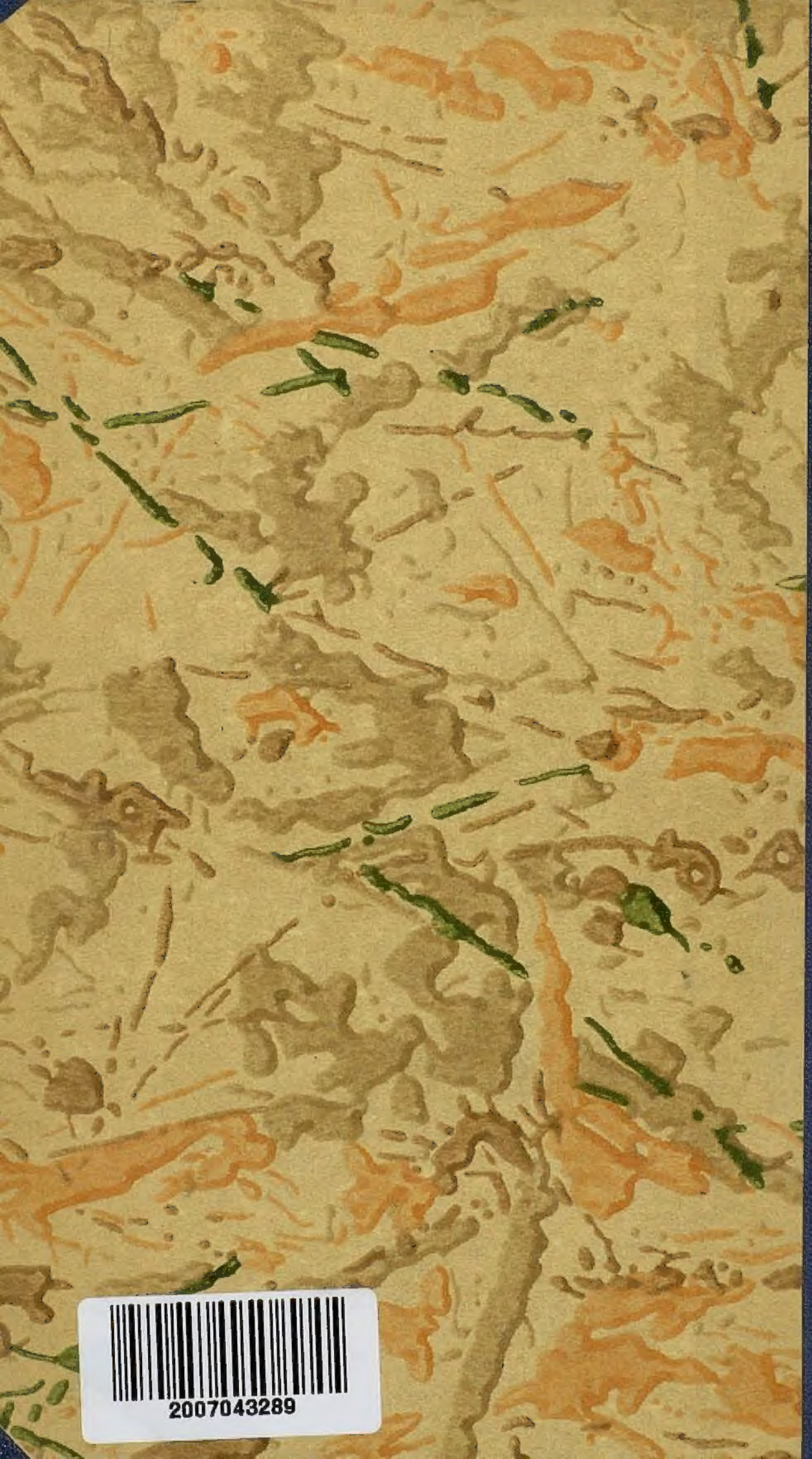
Чтобы оставить читателя подъ болѣе полнымъ впечатлѣніемъ отъ личности украинскаго философа, приведемъ въ заключеніе слова его любимѣйшаго друга и біографа, Ковалѣнскаго, о томъ, какъ онъ молился. „Полуночное время Сковорода имѣлъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутри себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ ихъ къ началу Божію: возстаньте лѣнивые и всегда низу поникшіе помыслы моего ума! возьмитесь и возвысьтесь на гору вѣчности. Тутъ мгновенно открывалась брань, и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе боролось съ міродержителемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, съ собственными слабостями человѣческой бренности и всѣми тварями, сильнѣйше нападая на его волю, дабы плѣнить ее и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе, напротивъ, приглашало его волю къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездѣсущему, вся исполняющему, и заставляло его облечься во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу козней лжемудрія. Какая брань! Сколько подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть праздным, безъ дѣла, безъ подвиговъ, безъ пользы человѣчеству? Такъ же онъ проводилъ полуночные часы въ бранномъ ополченіи противъ силъ мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа онъ выходилъ на поле раздѣлять свое славословіе со всею природою“.

Сочиненія того же автора:

1. „Бракъ у древнихъ евреевъ“. Кіевъ, 1892 года. Ц. съ перес. 2 р.

2. „Хорошевскій Вознесенскій дѣвичій монастырь“. Харьковъ, 1894 года. Ц. 25 коп., съ перес. 30 к.

Цѣна 40 коп.


20070432 89